

Свѣтлячокъ

1902 г.

№ 1.

Государственная
БИБЛИОТЕКА
С. ПЕТЕРБУРГА
ИМ. В. И. ЛЕНИНА

Дѣти и елка.

Елка, елка,—молвятъ дѣтки,—
Мы повѣсили на вѣтки
Картонажи, виноградъ,
Мятныхъ рыбокъ, шоколадъ,
Золоченые орѣхи
И хлопущки для потѣхи;
Отъ вершины до земли
Свѣчи яркія зажгли,
На тебя глядѣть отраднo,—
Такъ украшена нарядно...
Но межъ насъ стоишь одна
Ты—печальна и грустна!..»
Елка, вѣтками качая,
Словно дѣтямъ отвѣчая,
Такъ сказала:—«Рада я,
Вамъ—спасибо за меня!
Но грущу я, вспомнивъ, дѣти,
То, что видѣла на свѣтѣ:
Я родилась и росла
Возлѣ бѣднаго села...
Здѣсь тепло вамъ и уютно,
Тамъ же—дѣтямъ непріютно,

Сырѣ и холоднѣ ихъ домъ,
Голодѣ имъ подчасъ знакомъ.

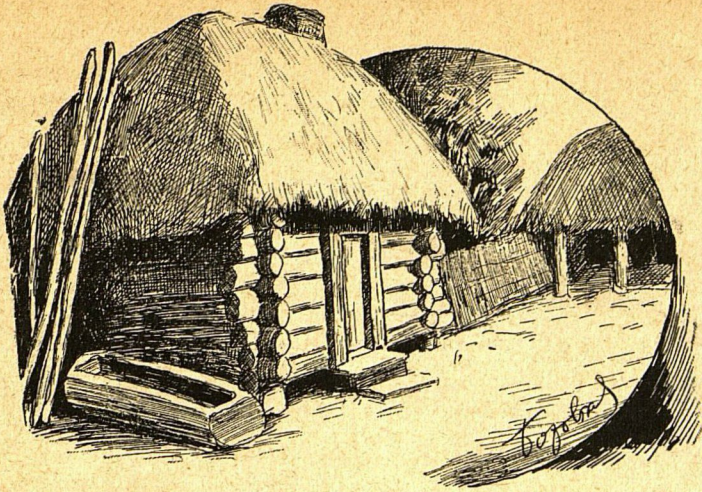
Ихъ теперѣ я вспоминаю,
И за нихъ васъ умоляю:
Вспоминайте ихъ порой
За весельемъ и игрой...

А какъ станете большими,
Не гнушайтесь вовсе ими,
Но по мѣрѣ силъ своихъ
Не оставьте въ горѣ ихъ,
Стойте твердо другъ за друга,
Въ томъ—немалая заслуга:
Будетъ, можетъ-быть, тотъ часъ,
Что они поддержатъ васъ.

П. Л-ий.

Козочка-Бѣляночка.

«Идетъ коза лѣсами, — рогами-то брыкъ-брыкъ
Идетъ коза полями, — ногами-то топъ-топъ!
Я коза-дереза, никого не боюсь, — брыкъ-брыкъ,
топъ-топъ!»

Она родилась ранней весной въ старой избушкѣ бабушки Петровны.

Бѣлое утро чуть-чуть заглянуло въ избушку бабушки Петровны, какъ подъ рукомойникомъ явилась бѣлая козочка.

Бабушка Петровна крѣпко спала. Она не слышала, какъ радостно проблеяла коза-Матрена, какъ тихо отвѣтила козѣ-Матренѣ бѣлая козочка, лежа на земляномъ полу.

— Гдѣ я?

— У бабушки Петровны, съ матерью!—коротко сказала коза-Матрена и ласково стала облизывать ей глаза,—яснѣе стало въ глазахъ; заботливо начала облизывать голову,—свѣтлѣе стало въ головѣ; нѣжно припала къ бѣлой груди,—сильнѣе забилося сердце у бѣлой козочки—тукъ-тукъ-тукъ!—и встала козочка на рѣзвыя ножки,—сунула коза-Матрена бѣлую козочку веселой мордочкой къ своимъ теплымъ соскамъ и стала кормить милую дочь сладкимъ молокомъ.

И бѣлая козочка поняла (она была умная,—это сразу рѣшила мать ея, коза-Матрена), Бѣляночка поняла: что можетъ быть слаще молока?—ничто! Кто можетъ быть милѣе матери?—никто!

Козочка-Бѣляночка не одну, не двѣ минуты, сосала сладкое материнское молоко и черезъ часъ, а, можетъ-быть, и черезъ два послѣ своего рожденія запрыгала весело по избѣ бабушки Петровны. Хорошо и не ободняло еще, а бѣлая козочка ужъ десятки разъ проскакала отъ ручкомойника въ передній уголь, изъ передняго угла—къ выходной двери, къ низкому коннику, гдѣ спала бабушка Петровна; у конника налетѣла она на рыжаго кота Василья Васильича, лизнула его въ сытую мордочку. Котъ обидѣлся,

далъ козочкѣ сильную пощечину. Козочка любила всѣхъ и хотѣла приласкать каждаго; вотъ и поди, приласкайся къ иному забіякѣ, онъ ни за что тебя обидитъ!

Горько стало на сердцѣ у Козочки-Бѣляночки, молча отпрыгнула она назадъ, посмотрѣла долго на кота издали и проблеяла:

— Ахъ, зачѣмъ ты дѣлаешь больно? Не умѣешь играть!..

И снова стало радостно на сердцѣ у Козочки-Бѣляночки, и подумала она: „а можетъ-быть, я его обидѣла, вонъ онъ какой важный, серьезный, а я подбѣжала къ нему запросто“. И козочка снова подпрыгнула къ коту, чтобы извиниться.

— Я, я... не хотѣла васъ огорчить... я!..

Котъ Василій Васильичъ поднялся на всѣ лапы и рѣшилъ поучить надоѣдницу. Онъ взвился въ воздухъ клубомъ, козочка прилегла къ полу, повторяя:

— Простите, я не хотѣла васъ обидѣть!

Котъ перелетѣлъ черезъ козочку, шлепнулся на полъ и громко и отчаянно замыкалъ.

Бабушка Петровна проснулась, поднялась на конникѣ и прошептала:

— Господи, кто это развозился въ избушкѣ?

Козочка-Бѣляночка подбѣжала къ бабушкѣ,
проблеяла:

— Здравствуй! Вотъ и я!

— А-а! у насъ новая козочка, молодая Бѣляночка! Слава Богу, бабушкѣ прибыль.

Съ этого яснаго утра Козочка-Бѣляночка стала жить-поживать у бабушки Петровны.

Бабушка любила Козочку-Бѣляночку. Козочка росла на волѣ, бабушка не привязывала ее на веревку.

Козочка-Бѣляночка была большая шалунья. Она всюду совала свою мордочку: и въ горшокъ съ горячими щами, и въ кринку съ молокомъ, и въ чугунокъ съ варенымъ картофелемъ.

До всего было дѣло Козочкѣ-Бѣляночкѣ,—то она свяжется съ серьезнымъ котомъ Васильемъ Васильичемъ; налетитъ на кота, задеретъ короткій хвостъ, припадетъ головой къ землѣ,—прыжокъ-два и собьетъ кота съ ногъ, отброситъ далеко въ сторону. Пройдетъ минута-двѣ, Козочка-Бѣляночка набросится на пѣтуха Кузьму Петровича, горлана полуночника, большого хвастуна въ птичьей семьѣ; Кузьма Петровичъ то и знай приговариваетъ:

— Кло! кло! кло! ку-ку-ре-ку! Было это въ пожарный годъ, сгорѣла бы вся деревня наша, если бы я не увидалъ да не заоралъ во все горло, а такого горла ни у одного пѣтуха нѣтъ, хоть весь свѣтъ пройди;—ужь и заоралъ я! По-жа-аръ, братцы-сударики! Кричу и все расту, расту,—со свинью выросъ, вотъ на этомъ мѣстѣ мнѣ провалиться,—вѣдь если бы народъ не сбѣжался, отъ крику до теленка ростомъ дошелъ бы я!..

— Ужь и пустомеля ты, пустомеля!—кричитъ ему на это съ плетня сосѣдній пѣтухъ Гараська-безхвостый.

— А-а, лиходѣй! — отвѣчаетъ ему Кузьма Петровичъ. — Чего ты на чужой дворъ носъ показалъ! Выщипалъ я у тебя хвостъ, — выщиплю и зобъ.

А Козочка-Бѣляночка — тутъ какъ тутъ, не любить она ссоръ.

— Эхъ, Петровичъ, нехорошо! Эхъ, Кузьма, не ладно! Ишь старики расходились, — сосѣди вѣдь, стыдно! Что за пѣтухи, — куры засмѣются! — и подпрыгнетъ къ Кузьмѣ Петровичу, отгонитъ его подальше отъ плетня; проскользнетъ въ подворотню на середину двора въ это время песъ Залеть-Пустолай; прыгаетъ и скачетъ кругомъ Козочки-Бѣляночки, норовитъ ее схватить за короткій хвостъ. Козочка мечется — рада поиграть, прыгаетъ, мотаетъ головой, натираетъ молочные рожки. Кузьма Петровичъ неистово горланитъ, песъ Залеть-Пустолай отчаянно лаеетъ, котъ Василій Васильичъ мяучитъ; соберутся изъ хлѣвушковъ на этотъ шумъ куры и поднимутъ такое кудахтанье, что всѣ воробьи попрячутся по застрѣхамъ, и свинья-Домна выставитъ тупую морду и стонетъ: — „Охъ, свѣты, уморили! Охъ, проказники, всѣ бока подвело отъ смѣху“.

Бабушка Петровна сидитъ на крылечкѣ,

довольная, веселая; смѣется да говоритъ сама себѣ:

— Хорошо у меня всѣмъ житье: хоть не больно сытно, да больно весело. А и забавнѣе всѣхъ Козочка-Бѣляночка, кого хочешь насмѣшить: не тужить, не плачетъ, — всегда радостна! Ей и хлѣба не надо, играй лишь съ утра до утра.

Такъ весело жила Козочка-Бѣляночка у бабушки Петровны, пока не привязали, милую, на короткую веревку къ столбику, подъ навѣсами, по сосѣдству съ свиньей. Прыгай тутъ, не дѣлай убытковъ бабушкѣ.

Козочка-Бѣляночка, какъ стала подрастать, да начесывать себѣ рожки, вездѣ бѣдокурила.

Заберется въ избу къ бабушкѣ, рожками щелкѣ-щелкѣ-щелкѣ, отъ горшка съ картофелемъ черепки одни валяются, отъ кринки съ молокомъ только мокренько.

— Кто набѣдилъ?

Все она, — Козочка-Бѣляночка.

Заберется Козочка-Бѣляночка къ бабушкѣ Петровнѣ въ огородъ, и прости прощай разная огородная зелень: молодая разсада, только что высаженная на гряды, морковь, огуречная зе-

лень,—то потопчетъ, то помнетъ, то пожуетъ.
Козочка-Бѣляночка.

Бабушка сердится, то и знай, ворчитъ:
— Волкъ тебя ѣшь!

А Козочка-Бѣляночка думаетъ: „Какой такой волкъ, хоть бы разъ повидать его?“

Вотъ и посадила бабушка Петровна Козочку-Бѣляночку на веревку и сказала:

— Одумайся, мой свѣтъ, въ разумъ войди, потерпи, ума наберись! Свинья-Домна побережетъ тебя, приглядитъ за тобой.

Тяжело, тошно было сидѣть на веревочкѣ Козочкѣ-Бѣляночкѣ! Рвалась она направо, налево; впередъ, назадъ, задыхалась отъ веревочки, а все рвалась.

Свинья-Домна стонала:

— Охъ, одумайся, Козочка-Бѣляночка, такъ-то задохнешься, ноги вытянешь.

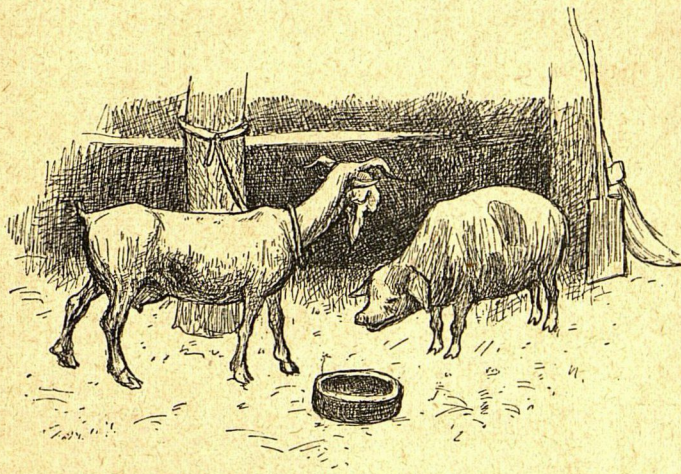
Да, тяжело задохнуться! тяжело ноги вытянуть, не жить, не видать свѣта Божьяго; не слышать задорнаго крика пѣтуха Кузьмы-Петровича веселаго лая Залета-Пустолая; докучнаго стона свиньи-Домны.

„Лучше потерпѣть, вотъ волкъ придетъ!“— думаетъ Козочка-Бѣляночка,—и терпитъ.

Мало ли, много ли, долго ли, коротко ли

прошло времени,—солнце какъ и всегда, свѣтило ясно, зеленѣли поля, зеленѣлъ лѣсокъ, куда когда-то рвалась Козочка-Бѣляночка; какъ это случилось, только случилось очень просто:—перетерлась ли отъ времени веревка, или размякъ узелъ отъ дождей, перегнилъ и лопнулъ,

только Козочка-Бѣляночка сорвалась съ веревки, бросилась дальше подъ повѣти. Хрюкнула было ей свинья:

— погоди, постой, Бѣляночка, куда ты?

— куда глаза глядятъ, поищу волка,—отвѣтила ей Козочка-Бѣляночка.

— пропадешь, волкъ тебя съѣстъ!

— пускай ѣстъ, но не посадить на веревочку, тошно на веревочкѣ, тошнѣй всего на свѣтѣ.

И вотъ бѣжить-бѣжить Козочка-Бѣляночка

полямъ. Весело ей, радостно... Гдѣ волкъ?—Нѣтъ въ полѣ волка!

И вотъ бѣжитъ Козочка-Бѣляночка лѣсомъ,—птицы поютъ, звѣри ревуть... Всѣмъ радостно, всѣмъ счастливо, всѣмъ вольно... Гдѣ волкъ?—Нѣтъ волка!

И бѣжитъ козочка бѣжитъ, рожками брыкъ-брыкъ-брыкъ! Ножками топъ-топъ-топъ!

Никого не боюсь! Гдѣ волкъ?—Нѣтъ волка! Хорошая бабушка Петровна, видно, пугала только глупенькую козочку, чтобъ держать ее на веревочкѣ, а нѣ вотъ козочка не побоялась волка, будетъ она цѣла и безъ веревочки!—Гдѣ волкъ?—Нѣтъ волка!

— Каръ! Карръ! Каррръ!—каркалъ съ стараго дуба старый воронъ.—Есть волкъ, есть!..

Оглянулась Козочка-Бѣляночка кругомъ и громко проблеяла:

— Гдѣ онъ? гдѣ?

— Каръ! Карръ!—впереди онъ, впереди!

— Не боюсь его, не боюсь!

— Каръ! Карръ!.. не бойся, а знай, онъ есть, онъ рыщетъ вездѣ, можетъ-быть, и не встрѣтишь его, а можетъ, набѣжишь на него и сейчасъ...

— Ну, молчи, старый воронъ,—бабушки Пе-

тровны старый кумъ! Лети къ ней да посиди-
ка у ней на веревочкѣ! А волка-то нѣтъ!..

Гдѣ-то далеко-далеко въ лѣсу протяжно за-
выло: — „ооооо“! И засмѣялся старый воронъ:

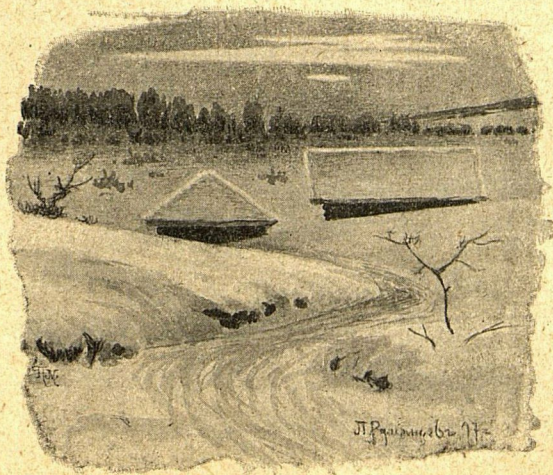
— Слышишь, безстрашная Козочка-Бѣля-
ночка?—Вонъ онъ воетъ впереди, —это волкъ
воетъ!.. Прячься скорѣй, вонъ зайцы прячутся...

— Не боюсь я никого! Брыкъ-брыкъ! топъ-
топъ!

И скрылась Козочка-Бѣляночка въ зеленомъ
лѣсу, бѣжить все впереди да впереди!

Москва,
2-го декабря 1901 г.

Н. А. Соловьевъ-Несмѣловъ.

Свѣтлячокъ.

(БАСНЯ).

Въ прохладномъ сумракѣ nocturnal
На вѣткѣ разъ сова качалась
И надъ малюткой-свѣтлячкомъ
Такъ съ громкимъ смѣхомъ потѣш-
лась:

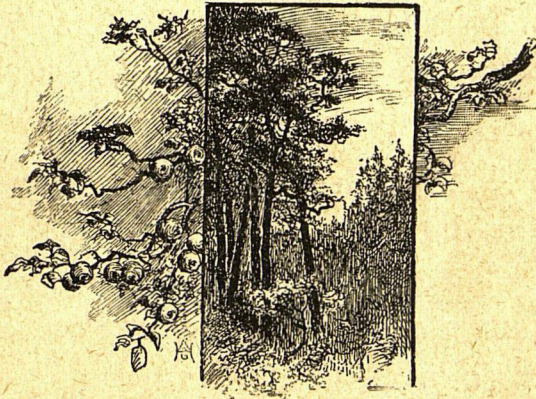
— „Среди полночной темноты
„Чуть видной точкой ты сверкаешь.
„Скажи, чудакъ, ужели ты
„Тягаться съ солнышкомъ желаешь?“

Но свѣтлячокъ на то сказалъ:
— „Тебѣ смѣяться, право, стыдно.

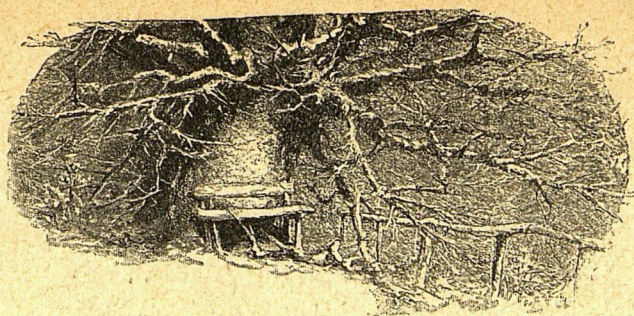

„Я съ виду, точно, слабъ и малъ,
„Мой огонекъ въ лѣсу чуть видно:
„Одинъ лишь листикъ и цвѣтокъ
„Фонарикомъ я освѣщаю,
„Но знай,—я скромный свѣтлячокъ,
„Тягаться съ солнцемъ не желаю..
„Пусть трудъ мой малъ,—онъ въ добрый часъ!..
„И смѣхъ меня твой не тревожить:
„Пусть всякій трудится изъ насъ,
„Какъ онъ умѣетъ и какъ можетъ.

„Свѣтлячокъ“.

Опасные люди.

(РАЗСКАЗЪ).

Мы гостили въ деревнѣ у дяди на Рождествѣ. Я хорошо помню эту праздничную суматоху въ домѣ. Всѣ хлопотали, суетились. Наконецъ, какъ-то вечеромъ принесли елку и поставили въ залѣ. Насъ, дѣтей, въ залу не пустили и двери туда заперли. Я, братъ Боря и сестра Лиза напрасно подбѣгали къ двери и старались разсмотрѣть въ замочную скважину, что тамъ дѣлается. Насъ каждый разъ отгоняли прочь, и дядя со смѣхомъ кричалъ намъ:

— Вотъ я васъ самихъ на елку повѣшу вверхъ ногами. Подождите только немного!..

Иногда онъ бросался за нами вдогонку, а мы, какъ мыши, со смѣхомъ разбѣгались отъ него вразсыпную и прятались по угламъ.

За вечернимъ чаемъ намъ вдругъ говорятъ, что пришли на кухню цыгане:—цыганка и ея сынъ цыганенокъ.

Дядя вдругъ разсердился и говоритъ:

— Гоните ихъ! Они украдутъ у насъ что-нибудь. Охъ, это опасные люди. Гоните ихъ вонъ!..

Ключница сказала ему:

— Они плачутъ оба, просятъ пустить ночевать. Какъ мнѣ ихъ, баринъ, вонъ гнать?

А дядя опять говоритъ, и такъ сердито:

— Знать ничего не хочю, — пусть идутъ куда знаютъ. Я ихъ прямо боюсь. Они и домъ-то подожгутъ. Самый негодный народъ.

Мы всѣ стали было упрашивать дядю, но онъ стоялъ на своемъ; на томъ и порѣшили, и прогнали цыганъ.

А намъ было ихъ такъ жаль. Да что же дѣлать. Ужъ очень дядя былъ недоволенъ...

Передъ самымъ ужиномъ тетя Маша вдругъ говоритъ дядѣ:

— Знаешь что? На дворѣ не холодно, легкій морозъ. И ночь лунная, ясная; мы съ дѣтьми пойдемъ погулять на прудъ... побѣгаемъ по льду!..

Дядя ей сказалъ:

— Пожалуй! Да это и лучше, а то они все будутъ мнѣ мѣшать убирать елку. Знаю я ихъ!..

Вотъ насъ одѣли потеплѣе, и мы пошли въ садъ. Луна ярко свѣтила. Снѣгъ такъ и сверкалъ бисеринками; тихо-тихо было въ саду, точно все замерло, притаилось кругомъ. Мы обошли всѣ расчищенныя дорожки, побывали на прудѣ, побѣгали по льду и уже возвращались домой.

На пути намъ попался мальчикъ-цыганенокъ, одѣтый бѣдно и неряшливо. Онъ дрожалъ отъ холода, поводилъ плечами, и на глазахъ у него были слезы. Онъ подошелъ къ тетѣ и сталъ просить оставить ихъ ночевать. А тетя ему и говорить:

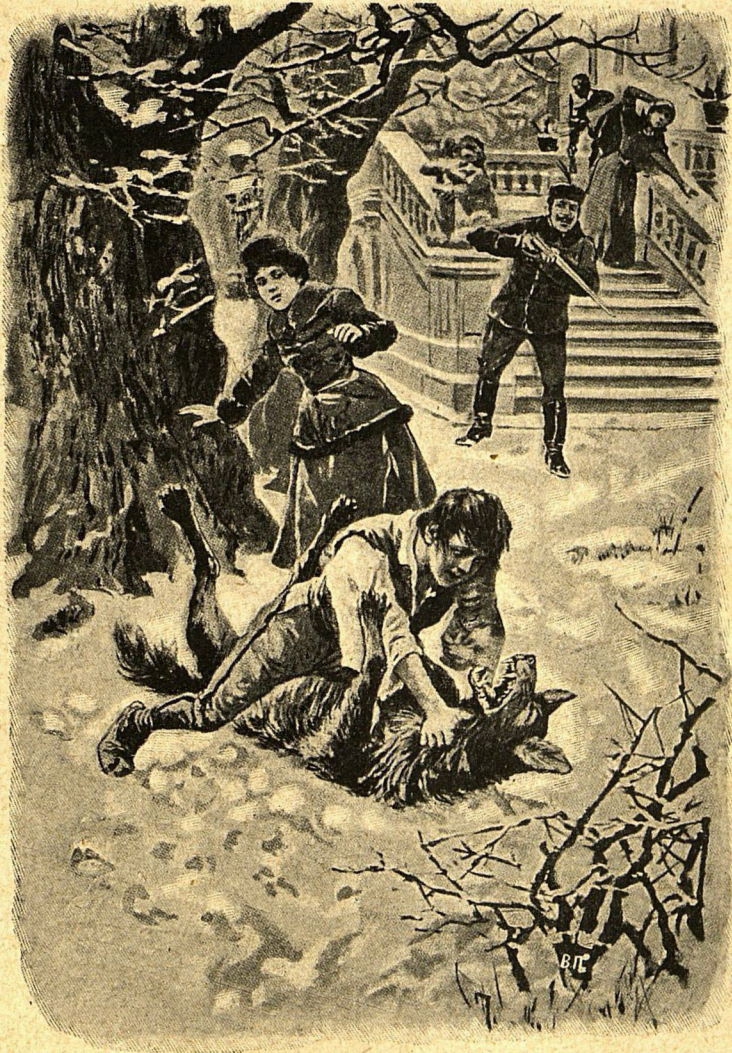
— Что же я могу сдѣлать, если самъ хозяинъ не позволяетъ?.. Ну, самъ посуди. Нѣтъ ужъ лучше добромъ уходи скорѣе! Слышишь? А вы, дѣти, бѣгите впередъ, я еще съ нимъ поговорю!..

Мы побѣжали впередъ, а тетя Маша отстала и шла тише насъ, разговаривая съ цыганенкомъ.

— Прошу васъ, барышня, упросите ночевать!.. — жалобно говорилъ цыганенокъ, и голосъ у него дрожалъ...

И вдругъ въ ту же минуту мы услышали отчаянный, громкій крикъ тети:

— Боже мой!.. Боже мой!.. Спасите!.. Волкъ!..

Мы сразу остановились и со страху растерялись, заплакали и не знали, что намъ дѣлать.

Въ это время мальчикъ-цыганенокъ набросился на какую-то большую сѣрую, лохматую собаку,—а это былъ волкъ,—и они оба покатались по снѣгу.

Волкъ хрипѣлъ, визжалъ... Снѣгъ комьями летѣлъ во всѣ стороны.

Мы бросились скорѣе домой; мы вихремъ ворвались черезъ балконъ въ залу съ криками о помощи. Насъ насилу поняли.

Дядя схватилъ ружье и самъ выбѣжалъ въ садъ.

Онъ долго цѣдилъ въ волка, боясь попасть въ мальчика.

Раздался выстрѣлъ, и волкъ покотился за-мертво.

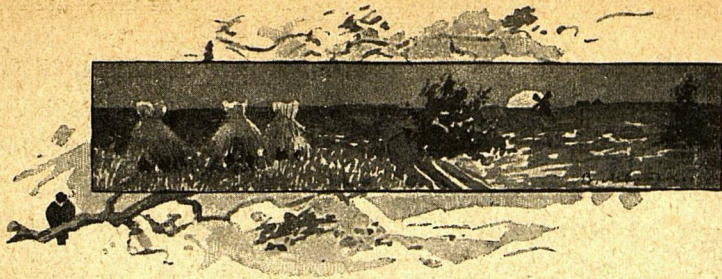
Мальчикъ лежалъ въ снѣгу. Дядя поднялъ его, пожалъ ему руку и говорить:

— Спасибо, малецъ. Ступай ко мнѣ, я о тебѣ и о твоей матери позабочусь.

Мальчикъ такъ и остался жить у насъ съ матерью, и привязался къ намъ всей душой.

А. Ведоровъ-Давыдовъ.

Ивановъ червячокъ

(Свѣтлячокъ).

Если вамъ приходилось быть ночью, около Иванова дня*), въ лѣсу или въ саду за городомъ, на дачѣ, то вы, конечно, не разъ любовались на свѣтлыя точки, разбросанныя тамъ и сямъ въ травѣ. Эти свѣтлыя точки появляются тотчасъ-же, какъ закатится солнце и станетъ темно, и свѣтятъ всю ночь, до восхода солнца...

Когда я былъ маленькимъ, я не думалъ, что въ лѣсу ночью можетъ быть что-нибудь подобное. Но вотъ однажды мой дядя Федя рассказалъ мнѣ объ этомъ, и мы вмѣстѣ упросили маму отпустить меня съ дядей въ лѣсъ—ночью, въ Ивановъ день.

Былъ теплый вечеръ; солнце уже садилось. Дядя кормилъ лошадь, осматривалъ телѣжку; я приготовлялъ себѣ коробку для этихъ червячковъ.

Когда солнце закатилось, и стало темнѣть, мы съ дядей выѣхали со двора и направились въ ближайшій лѣсъ.

Нашъ старшій „Гнѣдко“ фыркалъ и шагомъ везъ насъ въ самую глушь. Кругомъ было темно-темно.

Вдругъ дядя остановилъ „Гнѣдко“, слѣзъ съ телѣжки и пошелъ въ чащу. Я насторожился.

— Володя! — позвалъ дядя. Я живо соскочилъ съ телѣжки и подбѣжалъ къ дядѣ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дороги, въ густой травѣ свѣтилась блестящая точка.

*) Ивановъ день или день^нИвана Купалы—24 июня.

Это былъ настоящій маленькій фонарикъ, ясный, скромный, какъ слезка. Эта слезка ярко свѣтила во тьмѣ и, можетъ-быть, освѣщала дорогу маленькимъ жукамъ, мушкамъ и козявочкамъ.

Долго мы любовались съ дядей на этотъ огонекъ...

Наконецъ, дядя раздвинулъ траву и сорвалъ листикъ, на которомъ сидѣлъ червячокъ. Мы положили его вмѣстѣ съ листикомъ въ коробку и поѣхали дальше.

Я посмотрѣлъ въ коробку, червячокъ все свѣтился...

Не успѣлъ „Гнѣдко“ сдѣлать и нѣсколькихъ шаговъ, какъ я увидѣлъ въ сторонѣ другую такую же блестящую точку. Я сказалъ дядѣ, онъ остановилъ лошадь, и мы опять сошли съ тележки.

Свѣтлячокъ сидѣлъ у самаго ствола большого дерева и свѣтилъ еще сильнѣе, чѣмъ первый. Неподалеку отъ него оказался еще одинъ свѣтлякъ, а тамъ дальше—еще и еще... Моей радости не было конца!..

Дома я показалъ ихъ мамѣ, сестрѣ Нинѣ, и все любовались на нихъ. Они свѣтили только въ темной комнатѣ, а при лампѣ свѣта ихъ не было видно; это были маленькіе черненькіе не то жучки, не то червячки...

На другой день я всталъ очень рано и тотчасъ же бросился къ окошку, гдѣ наканунѣ оставилъ своихъ свѣтлячковъ.

Два изъ нихъ выползли изъ коробки и сидѣли у самаго стекла. Я сказалъ объ этомъ дядѣ Федѣ, и онъ осторожно листочкомъ смахнулъ бѣглецовъ обратно въ коробку...

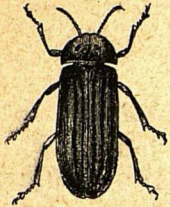
Вскорѣ пришла и Нина, и мы по совѣту дяди, положили червячкамъ свѣжихъ листьевъ и травы...

Къ моему удивленію, я замѣтилъ, что одни изъ свѣтлячковъ были покрупнѣе и съ крылышками, а другіе—поменьше, потоньше и безъ крылышекъ.

— Ты не догадываешься, Володя, почему это?—сказалъ дядя.—Ну, посмотри на людей: Вотъ ты—мальчикъ и ходишь въ

мужскомъ костюмчикѣ, а Нина—одѣта по другому. Такъ и Ивановы червячки... Вотъ этотъ червячокъ—съ крылышками, это—самчикъ, а этотъ червячокъ—безъ крылышекъ, это—самочка...

Ивановъ червячокъ—самчикъ.

Мы съ Ниной еще съ большимъ интересомъ посмотрѣли на Ивановыхъ червячковъ.

Длина тѣльца у тѣхъ и другихъ была въ среднемъ около четверти вершка, т.-е. они были въ длину приблизительно съ ноготокъ... Только у самчиковъ были длинныя крылышки, и поэтому они казались длиннѣе и вообще крупнѣе...

Костюмчикъ самчика состоялъ изъ большого сѣровато-желтаго щитка, и подъ этимъ щиткомъ онъ пряталъ, какъ подъ крышкой, и голову съ большими глазами, и отчасти усики. Далѣе отъ этого щитка, поверхъ тѣльца, шли мягкія и плоскія крылышки сѣровато-коричневаго цвѣта. Сзади крылышки загибались нѣсколько къ брюшку...

Ивановъ червячокъ—самочка.

Костюмъ самочекъ точно такъ же состоялъ, во-первыхъ, изъ головного щитка, но вмѣсто крылышекъ у нихъ были маленькіе щитики... Эти щитики покрывали все тѣльце самочекъ.

Дядя Федя объяснилъ намъ, что днемъ всѣ Ивановы червячки прячутся подъ камнями и листьями, а какъ только наступаетъ ночь, такъ всѣ они выползаютъ на волю... Самчики расправляютъ крылышки и летаютъ, а бѣдныя самочки, не имѣя крылышекъ, не могутъ летать; онѣ только ползаютъ... Мы съ Ниной пожалѣли самочекъ.

— Дядя, а почему они свѣтятся?—спросилъ я.

— Почему? А вотъ пойдете на балконъ чай пить, я вамъ за чаемъ объясню!—сказалъ дядя.

Дядя Володя.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПОТѢШНАЯ СТРАНИЧКА.

Зайка-парикмахеръ.

Парикмахеромъ прослыть
 Вздумалъ зайка сѣрый,
 Не умѣлъ онъ стричь и брить,
 Но былъ гордъ безъ мѣры.
 — „Стричь-то много ли труда?—
 Хвастаетъ онъ всюду,—
 Заходите, господа,
 Угодать я буду!..“

Вотъ утенокъ и идетъ:
 — „Подстригите малость!..“
 Зайка ножницы беретъ,
 Перья хлопьями стрижетъ,
 И смотрѣть-то—жалость...
 Полюбуйтесь, какъ смѣшонъ
 Сталъ утенокъ-крошка,
 Даже заяцъ самъ смущенъ:
 „Плохо, да-съ, немножко!..
 Тутъ утенокъ сталъ кричать:
 — „Мнѣ куда жъ дѣваться!..
 „Прежде дѣло надо знать,
 „А потомъ ужъ браться!..“

